
Энхаль Эмма
убийство
напротив кофе
18+

Эмма Энхаль

Убийство напротив кофе

«Автор»
2026

Энхаль Э. Э.

Убийство напротив кофе / Э. Э. Энхаль — «Автор», 2026

1 января 2001 года в Токио, под мостом, напротив кофейни «Асагао», произошло убийство Юто Кайто. Кэйсацу склоняются к версии о самоубийстве под мостом на фоне опьянения. Однако, его друзья так не считают, и решают провести собственное расследование.

© Энхаль Э. Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 — Убийство напротив кафе 5
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Эмма Энхаль
Убийство напротив кофе

Глава 1 — Убийство напротив кафе

На часах время 20:20, как вдруг, по телефонному звонку поступает звонок о том, что найден труп подростка.

— Минато, мне только что сообщили о найденном трупе подростка напротив кафе «Асагао», под мостом. Направьте туда группу, адрес пришлю следом, — сообщил Томоко Лин.

— Я надеялся, что хоть сегодня обойдётся без трупов… Когда же это прекратится? — пробормотал себе под нос Минато.

А затем уже вслух произнёс:

— Я вас понял. Выезжаем. Будем на месте минут через двадцать, если не дольше.

22 минут спустя, время: 20:42

Минато подошёл к молодому криминалисту, который, склонившись над телом, аккуратно фиксировал положение.

— Что у нас? — коротко спросил он.

Криминалист поднял взгляд, лицо его было спокойным, но в глазах читалась усталость.

— Подросток, 15 лет. На месте найден ученический билет на Юто Кайто. При этом, на теле явные признаки сильного алкогольного опьянения: запах алкоголя изо рта, расширенные зрачки, неестественная бледность кожи, нарушенная координация движений. Судя по всему, он не мог стоять самостоятельно, когда его обнаружили.

Минато нахмурился.

— А рана?

Криминалист осторожно указал на правую часть живота подростка.

— Ножевое ранение в область правого подреберья. Судя по глубине и направлению удара, лезвие вошло в брюшную полость, повредив внутренние органы. Это могло вызвать внутреннее кровотечение и быструю потерю

Томоко Лин, подошедший к группе, попросил остальных ребят зайти в кафе, что бы посмотреть видео с камер видеонаблюдения.

— Вот он, за десять минут до обнаружения тела. Он провел пальцем по экрану, замедляя воспроизведение. — Сказал он.

— Смотрите: он едва держится на ногах. Видно, как его качает — это не просто усталость, это тяжёлое опьянение. В таком состоянии нарушается проприоцепция: человек теряет ощущение положения тела в пространстве, не может удержать равновесие даже на ровной поверхности. — Добавил Томоко Лин.

Минато вгляделся в экран, пытаясь разглядеть все стороны одновременно. — Выглядит так, будто вот-вот упадёт. — Сказал Минато.

— Именно, — произнес, и одновременно кивнул Томоко.

— Смотрите, он достаёт телефон. По всей видимости читает сообщение. И после этого смотрит в сторону моста. Не просто бросает взгляд — задерживает его. Как будто что-то или кто-то там его ждёт.

— Или пугает, — тихо перебивая добавил Минато.

— Потом он спускается по лестнице. Движения резкие, но неуверенные: каждый шаг даётся с трудом. Он хватается за перила, но пальцы скользят. Это тоже следствие интоксикации — снижается мышечный контроль, нарушается мелкая моторика.

Минато сжав губы, произносит:

— Значит, он шёл туда осознанно. Несмотря на состояние.

— Да, — неуверенно произносит Томоко.

— И это важно. Он не просто свалился где-то — он целенаправленно двигался к мосту. Возможно, на встречу. Или чтобы спрятаться. Или… чтобы его нашли именно там.

В этот момент к ним подошёл старший инспектор Кавамура — в его походке не было спешки, но от каждого шага будто становилось тише вокруг. Он молча посмотрел на экран, параллельно смотря на Томоко, задержав взгляд на застывшем кадре: хрупкая фигура подростка, едва держащегося на ногах, размытая тень перил, тусклый свет фонаря.

— Перемотайте на самое начало, — тихо, но твёрдо произнёс он, не отрывая глаз от экрана. — Хочу увидеть всю цепочку с самого первого кадра. Ни одной секунды не пропускайте.

Томоко кивнул, пальцы привычно коснулись сенсорной панели, и картинка побежала назад. На экране подросток снова появился из темноты переулка, будто возвращаясь к жизни на этих зернистых кадрах.

Кавамура наклонился чуть ближе, прищурившись, словно хотел разглядеть в шуме и размытых контурах то, что ускользало от остальных.

— Смотрите сюда, — он указал на едва заметное движение в углу кадра, где тень от стены ложилась на тротуар.

— Видите? Там кто-то был ещё до того, как он достал телефон. Не просто прохожий. Он будто ждал.

Минато шагнул ближе, вглядываясь в пиксели, будто надеялся, что они сложатся в чёткое лицо.

— Мы это пропустили, — пробормотал Минато.

Кавамура едва заметно покачал головой.

— Не вы. Просто нужно смотреть не на жертву, а на пространство вокруг неё. В расследовании именно детали решают всё.

Он выпрямился, взгляд скользнул от экрана, и он подошел к месту под мостом, где криминалисты продолжали работать, фиксируя каждый сантиметр.

— Кстати, — добавил Кавамура, следом произносив уверенным тоном следующее:

— На месте преступления найден телефон. Его нужно немедленно отправить в технический отдел. Пусть попробуют разблокировать. Любые сообщения, история звонков, геолокация — сейчас это важнее всего.

— Я вас услышал. — Тихо произнес Томоко

Одновременно с этим, на часах уже 21:12, на улицах холодно, с неба падает снег. В этот день, когда компания из семи подростков свернула с главной улицы на боковую, где было расположено кафе «Асагао», напротив моста.

Мэйлинь шла чуть впереди всех остальных. Рядом, в двух шагах позади нее, шагал Мегуми — молчаливый, сосредоточенный, будто прислушивался не к разговорам друзей, а к чему-то далёкому, едва уловимому.

Между ними всегда висела эта странная тишина — не неловкая, а будто бы слишком наполненная, чтобы её стоило нарушать словами.

— Ну вот, мы почти пришли, — выдохнула Нацуки, поправляя шапку. Её голос дрожал то ли от холода, то ли от предвкушения. — Представляете, как там сейчас тепло, пахнет кофе и корицей…

Хироши, не отпуская её руку, улыбнулся и промолвил:

— Главное, чтобы Юто всё-таки пришел.. Он в последнее время такой странный стал

Да ладно — промолвила Мэй Мэй, пряча покрасневшие от мороза пальцы в рукава куртки. — Может, просто нервничает, день рождение его, да и Новый год сегодня всё таки.

Кеко же в этот момент хмыкнул, и смеясь сказал:

— Или же боится, что мы заставим его петь караоке. В прошлый раз он чуть не сгорел от стыда

Ребята рассмеялись, но смех прозвучал как-то натянуто, будто каждый из них старался заглушить то самое неприятное чувство — лёгкое беспокойство, которое висело у них в голове последние эти дни.

Юто и правда вёл себя странно. Сначала вдруг ушёл из баскетбольной команды, хотя жил этой игрой. Потом начал придумывать нелепые отговорки насчёт встречи

«Мне нужно с родителями в магазин»

« У меня тренировка»

« Я заболел»

« Может вам лучше без меня прийти? День рождения и Новый год отпраздновать я могу и дома »

Каждый раз, когда он придумывал новые отговорки, ребята переглядываясь, списывали разговор на обычное волнение перед днем рождения.

А теперь, когда до кафе оставалось всего несколько десятков метров, тревога становится всё более осязаемой. Перешептываясь между собой, они заворачивают за угол, и.. и замерли на некое мгновенье..

Напротив кофе «Асагао» стояли Кэйрася, мигали синие огни, отражаясь в мокром асфальте. У лестницы, ведущей вниз к спуску моста, суетились люди в форме — их было двенадцать, не меньше. Рядом — машина скорой помощи, двери распахнуты, внутри мерцал тусклый свет. А по ступенькам, осторожно, будто боясь, двое медиков выносили носилку, накрытую плотной тканью.

Мегуми шагнул вперёд, будто хотел подойти ближе и узнать, что там происходит, но тут же остановился, заметив, как один из Кэйсацу поднял голову и посмотрел прямо на них. Средним шагом к ним подходил мужчина в форме, с усталым лицом и внимательными глазами, сказав:

— Вам лучше не подходить близко, — сказал он спокойно, но твёрдо. — Здесь проводится осмотр место происшествия.

Мысли Томоко Лин — так зовут одного из Кэйсацу Я дождался, пока они окажутся подальше от место происшествия, и только тогда я задал им вопрос:

— На месте происшествия мы нашли ученический билет, на имя — Юто Кайто. Не могли бы вы сказать, знаком ли вам этот человек?

У ребят разом изменилось выражение лиц — будто кто-то выключил в них свет. Никто не мог вымолвить и слова:ком в горле намертво перекрывал голос. На глазах блестели слёзы, а в самих взглядах застыло неверие — будто услышанное никак не могло уложиться в их голове.

Мэйлинь и Мегуми в это время оставались пугающе спокойными — будто холод улицы сковал не только воздух, но и их эмоции. Мегуми чуть приподнял бровь, не столько в вопросе, сколько проверяя: выдержит ли Мэйлинь, не сорвётся ли сейчас, когда всё висит на волоске. Он ждал её реакции.

Прижав губы так, что по контуру проступила тонкая линия напряжения, Мэйлинь тихо, но чётко произнесла:— Да, это наш друг. Мы должны были встретиться с ним сегодня… Он…

Мегуми не дав ей закончить — вмешался ровно, будто хотел самостоятельно продолжить рассказ, но уже от себя, сказал: — Он учится в Токийской старшей школе «Акацуки». Мы с Мэйлинь — его одноклассники.

В то время пока Мэйлинь и Мегуми отвечали на вопросы, будто чеканя каждое слово, вокруг рассыпалась другая реальность — полная слёз, дрожи и немого ужаса.

Нацуко уткнулась лицом в спину Хироши, плечи её вздрагивали, а из груди рвались невнятные, скомканные слова — она пыталась что-то сказать, но голос её срывался, и оставались только обрывки звуков, в которых тонула вся её растерянность.

Мэй Мэй тихо прижимала к себе Юта — он стоял неподвижно, словно окаменев, и только по тому, как судорожно он цеплялся за её рукав, было понятно, что внутри у него всё рушится. Юта был ближе всех к Юто; сейчас эта близость стала тяжестью, которую невозможно сбросить.

А Кёко опустился на колени прямо на холодный тротуар, обхватив голову руками, будто хотел удержать в голове рассыпающиеся мысли. Он беззвучно шевелил губами, пытаясь соединить одно с другим: знакомый силуэт, снег, голоса, ленту ограждения — и никак не мог сложить это в единую картину. Казалось, его сознание на секунду отказалось верить в происходящее, цепляясь за абсурдную надежду, что это дурной сон.

Томоко Лин, а точнее, Кэйсацу чуть наклонил голову, не сводя взгляда с Мегуми и Мэйлинь — не с подозрением, а будто стараясь удержать в разговоре хрупкое равновесие.

— Значит, вы с ним учились вместе — спокойно повторил он, выдерживая паузу ровно настолько, чтобы фраза не прозвучала как обвинение.

— Вы должны были сегодня встретиться? Спросил он.

Мегуми и Мэйлинь не отводили глаз. Их хладнокровие сейчас работало как щит: если они позволят себе хоть каплю лишней дрожи в голосе, они это почувствуют, и вопросы станут жёстче.

— Да, — ответили одновременно Мэйлинь и Мегуми.

— Мы договаривались в «Асагао» к девяти. — сказал Мегуми.

Мэйлинь стояла рядом, не перебивая, но её наблюдательность работала на пределе: она отмечала, как кэйсацу меняет наклон головы, когда слышит про время, как едва заметно сжимается уголок его рта при слове « договорились».

Для неё каждая такая деталь была частью пазла, который она собирала в голове.

Томоко Лин, кивнул, будто соглашаясь не с ответом, а с тем, что этот ответ нужно принять как факт и проверить позже.

— Понятно. А кто ещё знал про эту встречу? Только ваша компания или ктото ещё мог об этом слышать? спросил Томоко Лин.

Мегуми на секунду задержал дыхание.

Мысли его были наполнены о том, что это был уже не вопрос про знакомство — это был вопрос про круг людей, про возможные мотивы, про то, кто мог знать, где Юто будет в это время.

Он почувствовал, как Мэйлинь едвазаметно напряглась рядом: она тоже поняла, куда ведёт следователь.

— Знала вся наша группа, — ровно произнёс Мегуми.

— Мы обсуждали это в чате. Но ничего секретного в этом не было. Просто хотели вместе встретить новый год и отпраздновать его день рождение. — Сказал Мегуми, следом за ответом на прошлый вопрос.

Томоко Лин, снова кивнул, но теперь в его взгляде мелькнуло чтото новое — не недоверие, а профессиональная настороженность.

— Чат… Хорошо. Нам понадобится доступ к нему. Или хотя бы список участников. Это поможет понять, кто ещё мог планировать быть здесь.

Мэйлинь впервые подала голос, и в нём не было ни дрожи, ни спешки — только холодная точность:

— Мы можем дать список. Но я должна предупредить: в чате были обычные разговоры. Про кафе, про подарки, про то, кто во сколько придёт. Ничего подозрительного. Сказала Мэйлинь.

Кэйсацу посмотрел на неё чуть дольше обычного — и в этом взгляде читалось уважение к тому, что она не оправдывается, а сразу предлагает факты.

— Спасибо, что говорите прямо — сдержанно ответил Томоко Лин.

— Это упрощает дело. Скажите ещё одно: был ли у Юто кто-то, с кем у него могли быть напряжённые отношения? Конфликты в школе, споры, даже мелкие ссоры, которые вам могли запомнится. — Следом сказал Томоко Лин.

Мегуми сжал пальцы в кулак, но тут же заставил себя расслабить руку. Он знал, что Кэйсацу всегда ищут мотив, и сейчас от их ответа зависело, как дальше будут смотреть на всю их компанию.

— Юто был тихим, — сказал он, подбирая слова так, чтобы они звучали честно, но не обвинительно.

— Не лез в конфликты. Иногда казалось, что он специально держится в стороне. Но чтобы с кемто ссорился… Я такого не помню. — Следом произнес Мегуми.

Мэйлинь чуть нахмурилась — не от напряжения, а от того, что пыталась вытащить из памяти любую мелочь, которая могла бы помочь.

— Был один случай в октябре, — тихо добавила она, будто сама не была уверена, стоит ли об этом говорить.

— Кто-то порвал его тетрадь по математике. Юто не стал поднимать шум, просто взял другую.

Кэйсацу мгновенно стал внимательнее.

— Имя того парня помните?

— Спрошу у других. — Сказала Мэйлинь.

Кэйсацу снова кивнул, и в этот раз в его жесте было что-то почти благодарное: не за сенсацию, а за то, что они не пытаются всё сгладить, а дают ему реальные зацепки.

— Любая деталь важна. Сейчас мы закончим здесь, но позже нам нужно будет поговорить с каждым отдельно. Возможно, в участке, в присутствии родителей. Это стандартная процедура, если вы несовершеннолетние. — Сказал Томоко Лин.

Мегуми чуть наклонил голову — не как школьник перед учителем, а как человек, который принимает правила игры:

— Мы понимаем. И мы хотим помочь.

Кэйсацу на секунду задержал взгляд на обоих, будто пытаясь прочесть за этими словами то, что осталось между строк, а потом чуть смягчил тон:

— Хорошо. Тогда пока отойдите к ограждению, там теплее и спокойнее. Скоро приедет кто-то из соцслужб, они помогут вам связаться с родными.

Компания подростков медленно отходила от ограждения, которое патрульные поставили, чтобы отделить место трагедии от остального мира. С каждым шагом они будто пытались выйти из кошмара, но реальность тянула их обратно. В какой-то момент они сбились в тесный круг — не по плану, а из инстинктивной потребности чувствовать рядом тепло живого человека. Это классическая реакция на шок: в момент острого стресса люди бессознательно стремятся к групповой сплочённости, ищут в других подтверждение, что они не одни, что мир ещё держится, даже если земля уходит из-под ног. Их речь была сбивчивой, хаотичной, они перебивали друг друга, а порой говорили одновременно. Это не было проявлением равнодушия или неуважения — напротив, каждый отчаянно пытался пробиться сквозь стену ужаса, облечь в слова то, что не поддавалось осмыслению. В состоянии острого горя и шока когнитивные процессы нарушаются: мысли путаются, логика рассыпается, и человек начинает говорить потоком, цепляясь за любые слова, лишь бы не оставаться наедине с тишиной, которая давит сильнее крика.

Кеко прошептал, что не верит в происходящее — это типичная первая стадия реакции на тяжёлую утрату: отрицание. Мозг отказывается принимать факт смерти, потому что он слишком болезненный. Его голос дрожал не только от слёз, но и от попытки удержать рассыпающуюся картину мира.

Мэй Мэй не сдерживала слёз, и её вопрос «Кто мог это сделать и за что?» был не столько попыткой найти убийцу, сколько криком души, поиском хоть какого-то смысла. В психологии это называют «поиском справедливости»: человеку невыносимо думать, что трагедия могла случиться просто так, без причины. Слезы здесь — естественный способ сбросить напряжение, дать выход сильнейшему стрессу.

Юто застыл, уставившись в одну точку. Его неподвижность — ещё одна форма шока: ступор. В такие моменты психика как будто «зависает», чтобы не допустить полного эмоционального затопления. Его широко распахнутые глаза и слёзы говорили о том, что он одновременно и видит, и не может поверить в увиденное. В зрачках застыло удивление — будто мозг ещё не успел обработать информацию и продолжал искать в реальности ошибку.

Хироши и Нацуко переглядывались, и в этих взглядах было больше, чем в любых словах. В стрессовых ситуациях невербальная коммуникация становится особенно важной: короткие взгляды, прикосновения, кивки заменяют длинные фразы, экономя психическую энергию. Хироши достал свой телефон и читал переписку Юто. Это был его способ справиться с беспомощностью: найти хоть какую-то зацепку, сделать хоть что-то, чтобы не чувствовать себя бесполезным. Но каждое прочитанное слово ранило заново, и пальцы, сжимавшие телефон, слегка дрожали от напряжения. На глазах, с каждым разом было всё больше слез.

Мегуми и Мэйлинь держались чуть в стороне, наблюдая. Их сдержанность и молчание не означали, что им всё равно. Скорее, это был их способ защиты: они привыкли держать эмоции внутри, не показывать слабость, возможно, из-за прошлого опыта, когда проявление чувств воспринималось как уязвимость. Для них эта трагедия стала очередной «пыткой» — не потому, что они черствы, а потому, что им приходилось бороться не только с горем, но и с необходимостью сохранять маску хладнокровия. Их молчание было формой самоконтроля, попыткой не дать боли вырваться наружу и разрушить их изнутри.

Снег продолжал сыпать, оседая на волосах, плечах, на экранах телефонов, на застывших лицах. Город вокруг жил своей обычной жизнью, но для этой компании время будто раскололось на «до» и «после», и сейчас они стояли на самой границе, не зная, как сделать шаг дальше

Снег всё падал, оседая на плечах, на волосах, на серебристой ленте ограждения, которая теперь казалась границеймежду их прежней жизнью и той, что наступила после десяти часов вечера на Сакурадори. Подростки сбились втесный круг, будто холод пробирался не снаружи, а изнутри, и только тепло друг друга могло удержать их отполного оцепенения.

Они ещё не успели облечь свои чувства в слова, как вдруг к ним начал подходить Томоко Лин. Его шаги были ровными, без лишней спешки — так ходят люди, привыкшие, что на них смотрят и ждут ответа. Остановившись в шаге от группы, он посмотрела на каждого по очереди, будто хотел запомнить их лица, их выражения, каждую деталь реакции.

— Слушайте меня внимательно, — сказал он негромко, но так, что все невольно замолчали.

— Сейчас следствие рассматривает версию самоубийства. Все обстоятельства указывают на это: состояние подростка, место, отсутствие следов борьбы поблизости. а так же, найденая прощальная записка. Если эта версия подтвердится, дело будет закрыто. Имейте это в виду.

На секунду повисла тишина — такая плотная, что в ней можно было утонуть. Потом её разорвал голос Мэй Мэй:

— Самоубийство? — она покачала головой, будто пыталась стряхнуть эти слова, как капли дождя. — Нет. Это не правда. Юто не мог… Он не был таким. Он просто не мог.

Кеко схватил её за руку, пальцы впились в запястье, как в спасательный круг.

— Да, он не мог, — повторил Кеко, голос его дрожал.

— Он недавно ещё смеялся, говорил, что поедет летом к бабушке в Киото… Это не самоубийство. Кто-то сделал это с ним. — произнес следом Кеко.

Хироши шагнул вперёд, держа в руке телефон — тот самый, где ещё светился экран с перепиской Юто.

— У него за день до этого, последние сообщения были странными — сказал он, и в его голосе прозвучала отчаянная надежда, что эти слова что-то изменят. — Они странные. Будто он намекал, что завтра он должен встретиться с каким то человеком. Он его должен был сегодня встретить. Мы.. Мы должны сами разобраться. Мы знаем его лучше, чем кто-либо — Сказал Хироши.

Томоко чуть нахмурилась, взгляд его скользнул по экрану телефона, но он не стал просить его убрать. Вместо этого он заговорила твёрже:

— Именно поэтому я и говорю вам прямо: не суйтесь в это дело. Это расследование полиции. У нас есть эксперты, криминалисты, доступ к данным. У вас — ничего, кроме горя и желания найти виноватого.

Мегуми, до этого стоявший чуть в стороне, поднял голову. Его лицо оставалось спокойным, почти бесстрастным, но в голосе звучала холодная уверенность : — И если вы считаете, что это самоубийство, мы хотим сами это проверить.

Мэйлинь едва заметно коснулась плеча Мегуми, произнеся следующее:

— Я согласна с Мегуми, — тихо, но отчётливо сказала Мэйлинь. — Если мы ничего не сделаем, это будет значить, что мы просто согласились с первой версии, выставленная вами. Я не думаю, что наши друзья поверят в эту глупость. — Следом сказала Мэйлинь.

Томоко помолчал, словно взвешивая каждое слово Мегуми, и Мэйлинь. В его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие, но оно тут же скрылось за привычной маской профессиональной сдержанности.

— Я понимаю, что вам тяжело, — произнес он уже мягче, но не менее твёрдо. — Сказал Томоко, следом быстрым тоном произнося:

— И я уважаю ваше желание защитить память друга. Но есть правила. И есть закон. Если вы начнёте сами искать улики, опрашивать людей, копаться в чужих сообщениях — это будет считаться вмешательством в расследование. А если кто-то из вас сделает что-то противозаконное — например, взломает аккаунт или проникнет в чужое помещение, — последствия будут серьёзными. Для несовершеннолетних это тоже не проходит бесследно. Вас могут поставить на учёт, а в худшем случае — привлечь к ответственности.

Юто, который до этого стоял молча, уставившись в снег, вдруг поднял голову. В его зелёных глазах, всё ещё блестящих от слёз, вспыхнуло упрямство.

— Значит, мы будем делать всё по закону, — сказал он. — Мы не будем ничего ломать. Но мы будем спрашивать. У друзей. У учителей. У тех, кто видел его в последние дни. Разве это запрещено?

Томоко медленно покачал головой, говоря о том, что это не запрещено.

— Но и не поможет. Вы будете слышать то, что хотите услышать. Эмоции искажают факты. А нам нужны факты, а не догадки.

Мэй Мэй сжала кулаки, и на этот раз слёзы не потекли — вместо них в её взгляде появилась упрямая решимость.

— Хорошо, — сказала она, глядя прямо на Томоко. — Мы не будем нарушать закон. Но мы не будем и просто сидеть и ждать. Если вы найдёте что-то, расскажите нам. А если нет… тогда мы сами посмотрим, что сможем сделать.

Томоко хотел что-то сказать, возможно, снова предостеречь, но остановился. Он понял: запреты здесь не сработают. Эти подростки уже приняли решение, и никакие слова не заставят их от него отказаться

— Ладно, — наконец произнес он, чуть склонив голову. — Если у вас появится чтото, что может быть уликой — любая деталь, даже самая маленькая, — приходите ко мне. Не пытайтесь проверять это сами. Принесите мне. Договорились?

Хироши медленно кивнул, убирая телефон в карман, но не потому, что сдался, а потому, что принял правила — хотя бы на время.

— Договорились, — сказал он.

Остальные тоже кивнули, каждый по-своему: кто-то, уверенно, кто-то с сомнением, кто-то просто потому, что не знал, что ещё сказать.

Томоко ещё раз посмотрел на них, будто хотел убедиться, что его услышали, а потом развернулся и пошла прочь, туда, где под мостом светили фонари, а криминалисты продолжали собирать то, что осталось от чьей то короткой жизни.

Когда его фигура растворилась в снежной пелене, Кеко тихо произнес: — Мы всё равно узнаем правду.

Мэйлинь посмотрела сначала на Мегуми, после и на самого Кеко, но на него едва заметно. После, кивнула, произносив:

— Узнаем, — сказала она уверенным тоном.

И в этом молчаливом согласии, в этом общем решении, которое никто не произносил вслух, но все чувствовали, была та самая сила, что заставляет людей идти вперёд, даже когда каждый шаг даётся с болью.

Снег по-прежнему сыпал мелкой колючей пылью, оседая на плечах, на тёмных волосах, на серебристой ленте ограждения, которая теперь казалась границей между тем, что можно знать, и тем, о чём лучше не спрашивать. Томоко Лин наконец растворился в полумраке переулка, его ровные, уверенные шаги постепенно заглушались шумом города — и только тогда Мегуми позволил себе сделать то, что сдерживал всё это время.

Он дождался, пока Томоко Лин окончательно скроется за поворотом, и только потом резко, почти до боли, схватил Мэйлинь за запястье. Его пальцы сомкнулись крепко, не грубо, но так, чтобы она точно поняла: сейчас не время для лишних слов и колебаний. Наклонившись к самому её уху, он прошептал, и голос его звучал глухо, будто пробивался сквозь толщу льда:

— Завтра. Я жду тебя у себя дома. В девять. Никому не говори.

Мэйлинь даже не дёрнулась. Ни испуга, ни протеста — только короткая, едва уловимая пауза, в которой она словно сверяла свои чувства с тем, что видела в его глазах. Потом, так тихо, что её услышала бы только она сама, если бы не стояла вплотную, она произнесла:

— Хорошо.

Мегуми медленно ослабил хватку, но не отпустил сразу — будто хотел убедиться, что она не отступит, не передумает в следующую секунду. И только потом, уже спокойно, почти буднично, повернулся к остальным.

— Нам с Мэйлинь нужно отойти, — сказал он, глядя не на лица, а куда-то чуть выше голов, будто избегая встречаться с чужими эмоциями.

— Есть кое какие детали, которые нужно обсудить.

Кеко моргнул, будто выныривая из оцепенения, и посмотрел на них с лёгким недоумением.

Мэй Мэй всхлипнула, но тут же прикрыла рот ладонью, словно стыдясь, что вообще может плакать, когда кто-то пытается действовать.

Хироши и Нацуко переглянулись — в их взглядах читалось не столько подозрение, сколько растерянность: будто они не понимали, как вообще можно сейчас «обсуждать детали», когда мир только что треснул пополам.

— Ладно… — неуверенно протянула Кеко, будто сама не верила, что произносит это слово. — Только… не уходите далеко, хорошо?

— Мы тут, — коротко бросил Мегуми, уже разворачиваясь. — Недалеко.

Но вместо того чтобы отойти к тёмной стене дома или в сторону от фонарей, он вдруг резко изменил направление и повёл Мэйлинь не прочь от места преступления, а ближе к ограж-

дению — туда, где ещё минуту назад стоял Томоко. И, не замедляя шага, он громко, чётко позвал:

— Томоко Лин! Подождите!

Он обернулся, на лице мелькнуло раздражение, смешанное с усталостью.

— Что ещё? Я занят. Сейчас не время.

Мегуми не остановился. Он подошёл почти вплотную, не нарушая дистанцию, но и не давая Мэйлинь уйти.

— Скажите только одно, — произнёс Мегуми, и в его голосе впервые прорезалась не холодность, а напряжение — как у человека, который держит на плечах слишком тяжёлый груз.

— Что было написано в прощальной записке?

Томоко прищурился, будто пытался прочесть в его лице, зачем ему это нужно. Потом покачал головой, сказав:

— Ребята, давайте завтра. Приходите ко мне в участок. Часов в четырнадцать. Я покажу вам то, что могу показать. Но не сейчас. У меня тут работа, и я не буду обсуждать улики на улице под снегом. Да и тем более, перед сотрудниками.

Он снова начал отходить, но на этот раз его прервал не Мегуми, а Мэйлинь. Она шагнула вперёд, ровно, без суеты, и сказала:

— Хорошо, — голос её звучал спокойно, даже мягко, но в нём не было покорности. — Мы придём в четырнадцать

Мегуми дёрнулся, будто хотел что-то добавить, настоять, но Мэйлинь едва заметно покачала головой — совсем чуть-чуть, так, чтобы заметил только он. И он замолчал.

Когда Томоко наконец ушел, Мэйлинь повернулась к Мегуми. В её взгляде не было упрёка, но была настойчивость.

— В чём дело? — спросила она тихо.

Он не ответил. Не потому, что не хотел, а потому, что сам не до конца понимал, как облечь это в слова. В его глазах действительно не было безразличия — там была сосредоточенность, почти одержимость: он искал зацепку, любую деталь, которая не даст ему поверить в версию о самоубийстве. Но сказать это вслух значило бы признать, что он боится ошибиться. А он не мог себе этого позволить.

Поэтому он просто посмотрел на неё, как будто пытался передать всё без слов, и наконец произнёс:

— Просто… я не хочу, чтобы мы ждали.

Мэйлинь чуть склонила голову, будто принимая это объяснение — не как полное, но как настоящее.

— Тогда завтра, — сказала она.

— В девять у тебя. Но без глупостей. Если это опасно — мы идём к Томоко и говорим всё как есть. Договорились?

Мегуми едва заметно кивнул.

— Договорились, — повторил он, и на этот раз в его голосе прозвучало не упрямство, а что-то похожее на благодарность.

Они вернулись к остальным, и компания снова сомкнулась в тесный круг — не потому, что так было нужно, а потому, что по одиночке сейчас было слишком холодно. Никто не спрашивал, о чём они говорили, — все и так понимали, что сейчас любые вопросы будут лишними.

Снег продолжал падать, укутывая город в белое молчание, а внутри этой маленькой группы уже складывался свой, отдельный план — не громкий, не героический, но упрямый. План тех, кто не готов был принять первую версию только потому, что её предложили взрослые.

ГЛАВА 2 — тайная переписка

После того, как Мегуми и Мэйлинь отошли от Томоко, старший инспектор Кавамура позвонил в участок Сакурадори и дал одноединственное указание: позвонить семье Кайто, и сообщить смерть их сына.

— Томоко, сообщи о смерти сына его родителям. — сказал Кавамура.

Томоко, достав телефон из карман, не стал набирать безликий номер из личного дела — пальцы сами набрали цифры, которые он помнил с тех времён, когда они с Джоун сидели за одной партой в старшей школе, спорили о смысле стихов Мисимы и клялись, что никогда не станут взрослыми.

Это было ещё за долго до всего этого, когда всё начало понемногу рассыпаться: до того, как Джоун вышла замуж за Шаона, до того, как Томоко надел форму, до того, как между ними выросла стена из «вы» и «инспектор»

Он нажал «Вызов» и ждал гудков — и в этой паузе было не равнодушие, а что-то куда более тяжёлое: попытка удержать в себе одновременно двух людей — того, кто когда то смеялся с ней над глупыми шутками, и того, кто сейчас обязан сломать её мир.

— Алло? — женский голос, домашний, ещё сонный. Тот самый голос, который когда то шептал ему на ухо: « Томоко, не сдавай меня старосте, я забыла тетрадь »

— Джоун? — он не выдержал и сказал её имя сразу после её слов, не по инструкции, не по протоколу, а просто потому, что в эту секунду перед ним стояла не «мать погибшего», а девочка из прошлого.

— Это Томоко. Прости, что так поздно… мне нужно с тобой поговорить. Очень серьёзно — сказал он, нервно глядя по сторонам.

— Томоко? — в её голосе сначала мелькнуло удивление, почти радость — как у человека, который вдруг слышит знакомый голос из давно закрытой главы жизни.

— Чтото случилось? — тихим тоном произнесла Джоун.

— Случилось. Джоун. Мне нужно сказать тебе чтото очень тяжёлое.

Ты пугаешь меня, — прошептала она, и в этой фразе уже не было радости. Только холод, который приходит раньше понимания

Твой сын, Юто… — Томоко запнулся, и эта заминка была не по инструкции, а почеловечески.

— Его нашли прошлой ночью. Под мостом у «Асагао». Он… он не выжил.

В трубке повисла тишина. Она длилась долго — секунды 10, 30, и 50. А потом послышался звук, который Минато, стоявший рядом, никогда не сможет забыть: короткий, надтреснутый вдох, будто в грудь втянули не воздух, а осколки стекла.

Нет… — прошептала Джоун Кайто, следом говоря:

— Нет, ты ошибаешься. Это не Юто. Он дома, он спит, он вчера поздно… он сказал, что идёт к друзьям… — голос её поднялся на октаву, рассыпался.

— Томоко, скажи, что ты шутишь. Ты же не стал бы так шутить, правда?

С точки зрения психологии, это была первая и самая прочная защита психики — отрицание. Мозг, получив непереносимую информацию, отказывается её записывать, как будто, не приняв письмо, можно отменить и его содержание.Орать, отрицать, требовать повторить — это не истерика. Это организм изо всех сил держит мир прежним, пока мир уже рушится. И в этом крике было ещё одно: обращение к знакомому человеку, к тому, кто « не стал бы так шутить »

Дальше сквозь трубку было слышно, как что-то падает — стул, кажется.

Мужчина рывком хватает телефон, параллельно с этим спрашивая что случилось.

— Кто это?! Говорите! Говорите немедленно! — злым тоном произносит Шаон, муж Джоун, и отец Юто.

— Шаон? Это инспектор Томоко Лин, ваш сын был найден мертвым, около кафе « Асагао » приезжайте завтра на опознание в Ойямадори

— Мы будем через тридцать минут, — ответил Шаон, и после сбросил звонок.

Томоко медленно опустил телефон. Его пальцы чуть подрагивали — не от страха, а от напряжения, которое копилось в мышцах, пока он удерживал голос ровным.

С точки зрения медицины, это была реакция симпатической нервной системы: выброс адреналина, сужение сосудов, учащение пульса — всё то, что тело делает, когда человек балансирует на грани эмоционального срыва, но обязан оставаться функциональным.

Минато проводил Томоко взглядом.

— Ты хоть раз в жизни слышал, как у человека под ногами проваливается пол, — негромко спросил он, — или тебе всё равно, с какой стороны на это смотреть?

— Это не равнодушие, Минато, — Томоко положил трубку на стол ровно по центру, но не смог посмотреть коллеге в глаза.

— Это попытка не сломать ещё и себя. Ктото должен это делать. И если я сейчас начну плакать вместе с ней

— Кто скажет ей правду? Кто удержит её, когда она упадёт? Следом повторяя Томоко.

Ты знал её раньше, — тихо сказал Минато. — Это делает только хуже.

— Да, — кивнул Томоко.

— Ещё с школьных времен, когда мы сели за одну парту. И с каждым годом становилось только сложнее помнить, что я теперь не её друг, а тот, кто приносит плохие новости.

Он помолчал, а потом добавил, уже не для Минато, а будто для себя:

— И самое страшное не в том, что он мёртв. А в том, что это не несчастный случай. И я уверен в этом.

— Судмедэксперт уже прислал предварительный отчёт: один колоторезаный удар, правое подреберье, глубина порядка семи сантиметров. Лезвие узкое, без зазубрин.

— Причина смерти — массивное внутреннее кровотечение. И никаких защитных ран на кистях и предплечьях. То есть жертва не сопротивлялась. Либо не видела угрозы, либо…

— Он сжал кулаки, — либо в момент удара был неспособен сопротивляться физически. Произнес Томоко.

С точки зрения медицины, это был не просто факт смерти — это был факт убийства. Чистый, хирургически точный удар, нанесённый тому, кто не мог или не успел защититься. И теперь эта правда должна была встретиться с горем родителей — не как абстракция, а как приговор, который им придётся носить в себе каждый день.

— Они будут здесь через тридцать минут, — повторил Томоко, глядя в одну точку. Следом говоря:

— И мне придётся смотреть ей в глаза. И вспоминая тот день, когда она сказала что я буду лучшим инспектором, или же Кэйсацу, в Японии.

Минато положил руку ему на плечо — не для утешения, а чтобы вернуть в реальностью

— Тогда будь сейчас не инспектором, — тихо сказал он.

— Будь человеком, который знает, как держать за руку, когда земля уходит изпод ног. Остальное мы сделаем вместе.

Томоко кивнул. И в этом кивке было не согласие, а принятие тяжести, которую он больше не пытался спрятать за ровными фразами и инструкциями.

Тридцать минут тянулись как три часа. Томоко не сел, не прислонился к стене — он стоял у окна, в той самой кофейни, будто если будет смотреть в одну точку, то сможет удержать равновесия, когда эта точка сдвинется.

Минато принес ему стакан воды — Томоко кивнул, но не взял.

— Ты не обязан встречать их один, — сказал Минато. — Кавамура уже едет. Через семь минут будет здесь.

— Я должен, — голос Томоко звучал ровно, но в нём появилась новая жёсткость.

— Если я передам это кому то другому, это будет как будто я снова спрятался за форму. А я знал её. Я должен быть тем, кто скажет это в лицо.

В коридоре кофейни послышались шаги — быстрые, сбивчивые, как будто человек бежал и одновременно не хотел бежать. Дверь распахнулась.

Джоун влетела первой — в куртке нараспашку , волосы растрепанны, глаза красные, но не от слёз, а от того, что она их не моргая держала открытыми, будто если моргнёт — всё станет правдой. За ней, чуть позади, держа её за локоть, шёл Шаон — высокий, тяжёлый, с лицом, на котором застыла маска из напряжения и страха.

— Где он? — выдохнула Джоун, глядя не на Кавамуру, не на Минато, а сразу на Томоко.

— Где мой сын? Вы сказали — Ойямадори. Это морг? Это правда морг?

Томоко шагнул вперёд. Не к делу, не к протоколу — к ней.

— Джоун, — он не назвал её «Джоунсан», не назвал «матерью погибшего». Он просто произнёс её имя, как будто этим мог вернуть хоть что-то из прошлого.

— Да. Он там. И я должен попросить вас… мы должны провести опознание, завтра. Через стекло. Это стандартная процедура, она нужна, чтобы…

— Чтобы что? — голос Джоун сорвался.

— Чтобы вы могли сказать: « Да, это он » и закрыть папку? Чтобы всё стало бумажкой?

— Чтобы вы могли быть уверены, — тихо сказал Томоко. — И чтобы никто не мог потом сказать, что мы ошиблись. Это не для нас. Это для вас. Чтобы у вас не осталось сомнений.

Шаон наконец заговорил — низким, тяжёлым голосом, в котором не было крика, только сталь: — поехали туда

Томоко, тихим и спокойным голосом говорит Шаон: Вы уверены, что мы поедем сегодня? Может, завтра? Когда вам обоим станет легче?

— Легче не станет, — отрезал Шаон, и в этой резкости было не упрямство, а отчаяние человека, который боится, что если не сделает что-то прямо сейчас, то больше никогда не сможет сделать.

— Если я сегодня не пойду туда, то завтра я буду придумывать, как это было. А я не хочу придумывать. Я хочу знать.

Джоун медленно повернула голову. Её глаза были сухими, но в них стояла такая пустота, от которой у Томоко сжалось сердце.

— Мы поедем завтра, Шаон. Это не обсуждается — тихим голосом произнесла Джоун, протирая с глаз капли слез.

Он дёрнулся, будто от удара, и впервые посмотрел на неё — не сквозь, а прямо. В этом взгляде читалась целая буря: и обида, что она его останавливает, и благодарность, что вообще ещё способна что-то решать, и страх, что если он сейчас не пойдёт, то сломается.

— Джоун, я должен… — начал он, голос сорвался, и он сжал кулаки, пытаясь удержать себя.

— Ты должен быть со мной, — перебила она, но не резко, а так, чтобы это прозвучало не как приказ, а как просьба, которую она выдавливает из себя по капле.

— Если мы пойдём туда сегодня, мы вернёмся оттуда пустыми. А завтра нам нужно будет опознать нашего сына. Завтра нам понадобится каждая крупица сил, чтобы просто стоять и смотреть сквозь стекло. Я не хочу, чтобы ты смотрел на него с пустотой внутри. Я хочу, чтобы ты помнил его. Не место, где он упал. А его смех. Его голос. Его руки.

С точки зрения психологии, Джоун сейчас делала то, что умеют только самые сильные люди в горе: она брала на себя роль «стабилизатора». Когда один партнёр начинает распадаться от необходимости действовать немедленно, другой удерживает его не силой, а правдой — горькой, но необходимой. Она не отрицала его боль, она просто ставила между ним и этой болью щит из завтрашнего дня.

Шаон выдохнул — коротко, резко, как человек, которому наконец разрешили не быть сильным. Он опустил голову, упёрся лбом в ладонь, и на секунду плечи его дрогнули.

— Прости, — прошептал он. — Я просто… я не знаю, что делать с этой тишиной. Она давит.

Томоко не вмешивался до этого момента — он понимал, что сейчас между мужем и женой идёт свой, отдельный разговор, в который нельзя влезать. Но теперь он чуть наклонился вперёд, не нарушая их пространства, а просто давая понять, что он здесь.

— Она права, — тихо, но уверенно сказал он. — Завтра вы должны быть в морге. И это самое важное сейчас. Под мостом ничего не осталось — только лента и сырость. А в морге — ваш сын. И вы должны быть способны его увидеть. Не как место преступления. А как мальчика, которого вы любили.

Шаон поднял глаза на Томоко — и в этом взгляде была не враждебность, а отчаянная потребность в подтверждении: «Скажи, что я не схожу с ума. Скажи, что это нормально — хотеть туда пойти».

— Это нормально, — будто прочитав его мысли, спокойно ответил Томоко. — Нормально хотеть знать. Нормально хотеть закрыть эту дверь. Но закрывать её нужно, когда у тебя хватит сил стоять на ногах.

Шаон кивнул — медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом. Он посмотрел на Джоун, и в этом взгляде было столько невысказанного, что слова стали лишними: « Я доверяю тебе. Держи меня».

— Завтра, — глухо согласился он. — В морг. Вместе.

Джоун протянула руку и накрыла его ладонь своей. Её пальцы дрожали, но хватка была крепкой — как у человека, который держится за что-то, чтобы не упасть.

— Вместе, — повторила она. — И после… после мы поедем под мост. Если ты всё ещё будешь этого хотеть. Я не стану тебя останавливать. Но не сегодня. Сегодня мы просто дойдём до дома.

Томоко достал телефон и, не спрашивая, вызвал такси.

— Машина будет через пять минут, — сказал он.

— До дома — без лишних разговоров. Просто тишина. Иногда тишина — это тоже помощь.

Они вышли из кафе один за другим: сначала Джоун, держа Шаона под руку, потом Томоко, замыкающий цепочку, как будто прикрывающий их спины. На улице было уже темно, снег все также шел.

Когда такси подъехало, Шаон на секунду задержался у открытой двери, посмотрел на Томоко и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Спасибо, что не позволил мне сегодня туда пойти.

Томоко едва заметно кивнул.

— Не за что, — ответил он.

— Завтра я буду с вами. В морге. И под мостом, если понадобится. Вы не пойдёте туда одни.

Дверь закрылась, машина тронулась, и Томоко остался стоять под навесом «Кофе Асагао», глядя, как красные огни тают в сером сумраке.

Минато, ждавший чуть в стороне, подошёл ближе.

— Тяжёлый вечер, — тихо сказал он.

— Да, — согласился Томоко. — Но сегодня они не пошли туда, где всё оборвалось. Сегодня они просто поехали домой. А это уже победа.

И в этой тишине, нарушаемой только редким проезжавшим автомобилем, было что-то важное: понимание, что иногда самое сильное действие — это умение сказать « завтра »

Компания ребят шла по разным дорогам — теперь они не держались плотной группой, как раньше, когда Юто смеялся громче всех и тащил всех в какую-нибудь глупую авантюру. Сейчас каждый нёс свою тяжесть

— Я не могу, — тихо сказала Нацуко, вытирая щёки рукавом. — Я не могу представить, что мы потом придём в школу, а его парта будет пустой.

— Не надо думать про это, — хрипло ответил Хироши — Сегодня надо просто дойти до дома. И сказать родителям

Нацуко кивнула, но глаза её снова наполнились слезами.

— Как ты это скажешь? — прошептала она. — «Мам, Юто умер»? Это звучит… как ошибка. Как будто если я скажу это вслух, оно станет правдой

Оно уже правда, — Хироши сглотнул, и в горле у него встал ком. — Но да… я тоже не знаю, как это сказать.

Они остановились у перекрёстка, где их пути расходились.

— Ты позвонишь? — спросила Нацуко.

— Да, — кивнул Хироши — Прямо сейчас. Не хочу, чтобы мама узнала из чужих сообщений.

Он достал телефон, пальцы дрожали, и экран светился слишком ярко в темноте. Набрал номер.

— Мам… — голос его сорвался. — Мам, тут… тут случилось… Юто… он… он не вернётся

На другом конце провода повисла тишина — та самая, что бывает, когда мозг отказывается принимать слова.

— Что ты говоришь, Хироши? — голос мамы стал тонким, испуганным. — Ты шутишь? Это чья-то глупая шутка?

— Нет, мам, — прошептал он, и слёзы наконец прорвались. — Это не шутка. Кэйсацу и инспекторы… они сказали… он умер.

И тогда он заплакал — громко, отчаянно, как плачут дети, даже если им кажется, что они уже взрослые. Нацуко обняла его за плечи, прижимая к себе, и тоже плакала, не стесняясь слёз.

—Прости, прости, что я сказал так, — бормотал Хироши в трубку. — Прости…

Мама на том конце всхлипнула, и этот звук был страшнее любого крика.

— Иди домой, сынок, — тихо сказала она. — Просто иди домой. Я буду ждать, или же сейчас приду за тобой, где ты?

Хироши сбросил звонок и уткнулся лбом в плечо Хироми.

— Пойдём, — сказала она. — Дойдём вместе до твоего дома. Хоть немного.

Они пошли дальше, держась друг за друга, как за единственную опору в этом внезапно рухнувшем мире

Мегуми шёл один. Он не смотрел по сторонам, не замечал ни фонарей, ни редких прохожих. Его шаги были ровными, почти механическими, будто он шёл не по улице, а по длинному коридору, где стены смыкались всё ближе.

Мэйлинь шла за ним на расстоянии, прячась в тенях, наблюдая, как он не оборачивается, как его плечи остаются прямыми, как будто он запрещал себе сгибаться под тяжестью новости.

Она хотела подойти, схватить его за руку, заставить посмотреть на неё, сказать: « Ты не один » . Но что-то останавливало её — то ли страх, что он оттолкнёт, то ли смутное подозрение, которое царапало изнутри: он что-то знает. Что-то, чего не сказал никому.

« Он слишком спокоен, — думала Мэйлинь, кусая губы. — Даже для Мегуми это слишком. Он будто… отрезан от этого. Как будто смерть Юто его не касается. Или касается слишком сильно, и он боится, что если позволит себе хоть каплю эмоций, его разорвёт изнутри »

Она видела, как он остановился у своего дома, постоял секунду, будто собираясь с силами, и вошёл внутрь.

Когда Мегуми вошёл в дом, родители сидели в гостиной — отец читал газету, мать аккуратно складывала стопку чистых полотенец. Всё было на своих местах, всё было правильно. В их доме не любили беспорядка.

Мегуми остановился в дверях, чувствуя, как слова застревают в горле, тяжёлые и острые, как осколки стекла.

— Мама, папа, — голос его прозвучал ровно, почти без интонации. — Юто, больше нет.

Отец медленно отложил газету. Его лицо не изменилось — ни дрожи, ни слёз, ни даже лёгкого потрясения.

— Понятно, — спокойно сказал он. — Соболезнуем семье. Это трагедия.

Мать кивнула, не поднимая глаз от полотенец.

— Прими это, Мегуми, — мягко сказала она. — Но не позволяй горю мешать тебе двигаться вперёд. Жизнь продолжается.

Мегуми смотрел на них, и в его груди поднималось странное чувство — не обида, а холодное разочарование. Оно было острым, как лезвие, и резало глубже любых упрёков

« Они даже не спросили, как это случилось, — думал он, глядя на их спокойные лица. — Не спросили, был ли он напуган. Не спросили, плакал ли я. Для них это просто факт. Ещё одно событие, которое нужно принять и идти дальше »

— Да, — тихо ответил он. — Жизнь продолжается.

Он развернулся и пошёл к себе в комнату, не дожидаясь, пока они скажут что-то ещё.

В комнате было темно. Он сел на кровать, напротив окна, достал телефон. Экран вспыхнул, высветив непрочитанные сообщения — все от друзей, в их совместной группе, все с вопросами к друг другу: «Ты где?», «Ты в порядке?», «Что нам делать?». Он не ответил ни на одно. Просто положил телефон рядом и уставился в окно, где отражалось его собственное лицо — бледное, неподвижное, будто чужое.

Мэйлинь следя за ним, тихонько перелезла через забор, пройдя до нужного окна его комнаты.

Она стояла внизу, глядя, как он сидит, такой далёкий и такой одинокий. Сердце колотилось где-то в горле.

«Если я постучу, он может не открыть, — думала она, сжимая кулаки. — Или откроет, и я увижу в его глазах то, чего боюсь: пустоту. Или хуже — вину».

Но она всё равно постучала. Тихо, но настойчиво.

Мегуми вздрогнул, поднял голову, посмотрел вниз. Его глаза расширились от удивления — не от радости, а от шока, будто он не мог поверить, что кто-то пришёл к нему.

— Мэйлинь? — прошептал он. — Что ты тут делаешь? Как ты сюда попала?

— Открывай, — тихо сказала она.

Он встал, подошёл к окну, открыл. Холодный воздух ворвался в комнату.

— Ты могла упасть, — пробормотал он, всё ещё не понимая, как она здесь оказалась. — Зачем ты…

Она не стала объяснять. Просто перелезла через подоконник, встала рядом, глядя ему прямо в глаза. В её взгляде было столько тревоги, столько страха за него, что Мегуми невольно отступил на шаг.

— Ты что-то знаешь, — тихо, но твёрдо сказала она. — Ты что-то не говоришь. Я вижу это. Ты будто стоишь за стеклянной стеной, и я не могу до тебя достучаться.

Мегуми хотел отвернуться, хотел сказать: « Ты ошибаешься», но слова не шли. Он просто стоял, чувствуя, как внутри всё сжимается от её взгляда.

Мегуми прилег на кровать, не отводя глаз со стены думая « Что она здесь забыла? », « Зачем я её впустил? » или, это возможность воспользоваться ситуацией ..

В это время Мэйлинь шагнула ближе. Она приподнялась к кровати, и села рядом с ним. После, повернулась лицом к нему.

Её рука поднялась, пальцы коснулись его лица — осторожно, будто она боялась, что он рассыплется от прикосновения. Она встала на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне,

и провела ладонью по его щеке, от виска к подбородку, медленно, словно пытаясь стереть с него эту ледяную маску.

Её пальцы дошли до губ, и она замерла на секунду, глядя ему в глаза, будто спрашивая разрешения. А потом начала медленно притягивать его к себе.

Их губы соприкоснулись — сначала неуверенно, потом настойчивее. Это был не просто поцелуй. Это была попытка прорваться сквозь стену, которую он сам воздвиг. Мэйлинь вкладывала в него всё: свой страх, свою боль, своё желание вернуть его обратно, в мир живых, в мир, где можно плакать и кричать, а не стоять неподвижно, как статуя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.